

А.А. ГРИЦЕНКО, д.э.н., профессор,
Институт экономики и прогнозирования НАН Украины

ИЕРАРХИЯ И СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТОНИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Формирование институтов происходит вместе с формированием человеческого общества. И каждый этап развития общества является также этапом институциональной эволюции. Одни институты развиваются, изменяют свое содержание и формы, другие, сыграв свою роль, исчезают с исторической арены, появляются новые институты, порожденные новыми условиями функционирования общества. Каждая историческая форма общества характеризуется своей институциональной архитектурой.

Под институциональной архитектурой мы будем понимать такую структуру институтов, которая образуется из взаимосвязей образа мыслей и действий людей, правил, норм, стереотипов, традиций, учреждений и других социальных образований в их соотношениях с сутью и общим эстетическим планом построения общественной системы [1, с. 50].

Изучение институциональной архитектуры носит многоаспектный характер. Одним из важных аспектов является соотношение в ней иерархических и сетевых структур. К вопросам содержания понятий института, структуры, иерархии и сети существуют разные подходы. Особенно это касается понятия сети, содержание которого весьма размыто. Одни авторы понимают под сетью «совокупность связей между группой экономических агентов, которые находятся друг с другом в тех или иных отношениях» [6, с. 133]. В таком определении сеть практически совпадает со всей системой связей рассматриваемых агентов. Другие считают, что «сеть – это расширенная группа людей со схожими интересами, взаимодействующих друг с другом и поддерживающих неформальный контакт с целью взаимной поддержки и помощи» [12]. В одних случаях сеть понимается как определенная структура, в других утверждается, что «сеть является наименее структурированной организацией, о которой можно сказать, что она вообще имеет структуру» [11].

В данной работе под иерархическими будут пониматься структуры, основанные на отношениях соподчинения, а под сетевыми – отношения горизонтальной координации элементов системы. Если в иерархической структуре элементы системы находятся на разных уровнях

и имеют разный статус, то в сетевой – они равноуровневые и равноправны.

В научной литературе вопросы соотношения иерархических и сетевых структур в институциональной архитектонике экономических систем специально не анализировались. Однако этот вопрос получает все более актуальное звучание в связи с существенными изменениями соотношения иерархических и сетевых связей в современном обществе. Такие изменения настолько важны, что это дало основание М.Кастельсу назвать современное информационное общество сетевым, имеющим сетевую логику своей базовой структуры [5, с.43].

Целью данной статьи является выяснение логики развития соотношения иерархических и сетевых структур в институциональной архитектонике экономических систем и определение на этой основе современных особенностей их взаимосвязи, что важно для поиска направлений совершенствования институциональной структуры общества.

Для понимания тенденций современного общества представляется важным рассмотреть логику развития иерархии и сетевых структур в институциональном аспекте. О подходах к пониманию взаимосвязи институтов и сетей можно судить по такому утверждению: «Институты представляют собой рамки деятельности. Они определяют выбор экономических агентов и обуславливают формирование устойчивых связей между ними. Эти связи, в свою очередь, приводят к возникновению устойчивых структур отношений. О таких структурах, или сетях, мы можем говорить как о форме существования институтов» [6, с. 133]. С другой стороны, некоторые авторы рассматривают институциональный подход как противоположный сетевому. На наш взгляд, эти позиции отражают моменты весьма сложной диалектики сети и института, в которой они друг друга порождают и отрицают.

В соответствии с концепцией институциональной архитектуры институты существуют не только как «правила игры» в обществе, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимодействия между

© А.А. Гриценко, 2007
людьми [7, с. 17], но и их воплощение во всех элементах общественного строя [1, с. 51]. Наиболее строго границы института в узком смысле очерчиваются правилами вместе с внешним механизмом принуждения индивидов к исполнению этих правил [4, с.23]. Именно поэтому институциональное развитие в основных своих характеристиках совпадает с этапами развития государства и иерархии. Но институты, существуя как особое образование, воплощаются также во всей общественной системе, в предметных, социально-экономических, идеологических и иных формах, благодаря чему и возникает возможность говорить об институциональной архитектонике общества.

Институциональная эволюция имеет определенные качественные ступени. Анализируя институциональную эволюцию, В.Н.Тарасевич выделяет две ступени формирования институтов: протоинституты, включающие в себя мегаинстинкты и прединституты; и институты, включающие в себя протоинституты и собственно институты [8, с. 51-66; 9, с. 64-79]. В соответствии с концепцией В.Н.Тарасевича протоинституты как целостные образования не являются инстинктами и генетически не наследуются. Они не допускают осознанных воспоминаний о прошлом и передаче в знаках и документах, то есть не имеют ключевых характеристик собственно институтов. Как противоречивое единство метаинстинктов и прединститутов, они не свойственны животным, но имеются у всех ближайших предков человека, с помощью наследования и элементов учебы самовоспроизводятся и транслируются от поколения к поколению, обеспечивая преемственность антропосоциогенеза.

Проведенный В.Н.Тарасевичем анализ касается собственно процесса становления институтов, их возникновения из развития доинституциональных форм. Поэтому этот период можно охарактеризовать как прединституциональный. После этого начинается собственно институциональное развитие. Его обобщение дает основания выделить три наиболее общих этапа. На первом этапе господствуют традиции. Этот институт сосуществует с другими, например с определенной иерархией, но он оказывает решающее влияние на жизнедеятельность общества. Именно традиции обеспечивают передачу опыта и собственно человеческих

способов жизнедеятельности. Они являются надежной основой упорядоченности общества и его стабильности. Такая ситуация является характерной для первобытнообщинного строя.

Традиции не исчезают с исторической арены, они развиваются, изменяются, оставаясь одним из фундаментальных элементов институциональной архитектоники общества. Но постепенно они теряют определяющую роль, и на их место приходят рода иерархии, которые образуют второй большой этап в институциональном развитии общества. Характерным признаком этой иерархии является возникновение государства и форм подчинения одних больших групп людей другим (классы, страты, социальные прослойки и др.).

Первой, наиболее радикальной формой такой иерархии был институт рабства. В этой форме один человек подчиняется другому в форме простых орудий труда, которые имеют определенные особенности по сравнению с другими орудиями (умеют мыслить, разговаривать и работать по внешне установленным целям). Несомненно, это не единственная иерархическая связь в институте рабства, но именно она определяет специфику этого института.

Следующая форма иерархии является смягченной. Подчиненный человек уже признается членом общества, а не является вещью, как в условиях рабства, но он принадлежит другому человеку и является прикрепленным к его имуществу, к земле как основному средству производства. Такая система является крепостничеством, которое выступает вторым этапом эволюции иерархических институциональных структур. Наконец, с падением крепостничества возникает классический феодализм, где зависимость крестьянина от феодала воплощается в существовании сначала отработочной, а затем продуктовой и денежной ренты.

Вместе с формированием индустриального производства, рыночной экономики и гражданского общества иерархии опускаются в основание, а господствующее место занимают отношения между формально равноправными членами общества в виде формальных или неформальных соглашений. Соглашение, таким образом, становится главным определяющим институтом капиталистического (индустриального) общества. Ему подчиняются все другие институты. Даже государство, которое возникло как форма закрепления иерархии, постепенно превращается в институт обеспечения общих

потребностей и равных прав граждан. В этой системе гражданин может судиться с государством (его органами) как субъектом и отстаивать свои права. С другой стороны, иерархия сохраняется в форме подчиненности функционирования экономики и общества технотехнологическим институтам, которые существенно определяют содержание труда, способы взаимосвязи индивидов и др.

С переходом к постиндустриальному, постэкономическому обществу происходит процесс интериоризации институтов. Они все больше превращаются во внутренние регуляторы поведения людей, которые не навязываются им, а воспринимаются как собственные побуждения. В этой ситуации внешние институты не исчезают. Они остаются определенной гарантией установленного порядка, но не им принадлежит решающая роль. Последняя переходит к внутренним нормам регуляции поведения, которые представлены моралью.

Мораль, с одной стороны, является определенными правилами и нормами, что дает основание определить ее как институт. Но, с другой стороны, это институт, который находится внутри личности, и его нет вовне. То, что есть вовне – не мораль. А того, что есть внутри, нет вовне, а значит, и вообще нет как объективной реальности. Институты (в том числе соглашения) продолжают существовать, но теряют свое определяющее значение, которое переходит к морали как диалектически снятому институту. Этот период можно назвать постинституциональным.

Все названные институциональные формы существуют на всех этапах развития общества и образуют в этом аспекте фундаментальную институциональную структуру. Специфика каждого этапа образуется в результате актуализации одного из элементов и превращения его в господствующий. Фундаментальная институциональная структура таким способом приобретает историческую форму актуальной структуры.

Таким образом, обобщая сказанное, в институциональной эволюции общества можно выделить прединституциональный (метаинстинкты, прединституты, протоинституты), институциональный (традиции, иерархии, соглашения) и постинституциональный (мораль) периоды.

С учетом изложенного рассмотрим роль сетевых структур в институциональной эволюции. В определенном аспекте сети являются

противоположностью иерархии и приходят ей на смену. «Профессора бизнес-школ, консультанты по управлению и специалисты по информационным технологиям – отмечал Ф.Фукуяма, – все подчеркивают достоинства сильно децентрализованных фирм, и некоторые утверждают, что в наступающем веке большие иерархические корпорации уступят место новой форме – сетям» [10, с.267]. Если иерархия ассоциируется с необходимостью, и неподчинение в иерархической субординации нарушает функционирование системы и, в конечном счете, приводит к удалению элемента из системы, то сеть ассоциируется со свободой. Агенты действуют в соответствии с внутренними побуждениями, сообразуясь с обстоятельствами, а не подчиняясь вышестоящим субъектам.

В традиционном обществе, характерном для первобытнообщинного строя, иерархия и сеть находятся в синкретичном единстве. Индивиды зависимы друг от друга, так что ни в реальной деятельности, ни в мышлении они не могут обособиться. Их деятельность является деятельностью социально равных людей, хотя это равенство означает также подчинение традиции, которая постепенно субъективируется в определенных агентах, и, таким образом, зарождается иерархия. Но это иерархия еще тождественна сети. Точнее сказать, нет ни социальной иерархии, ни сети, а есть совместно-разделенная деятельность [2, с. 107-133], из которой затем исторически вырастает как и иерархия, так и сеть. Иерархия связана с развитием моментов общности, а сеть – с развитием обособления. В иерархическом обществе элементы взаимопределяются друг через друга в общем для них отношении и вне этого взаимодействия не существуют. Раб не существует без рабовладельца, феодал без зависимых крестьян. И наоборот. В сети элементы самостоятельны и вступают во взаимодействие как свободные агенты. Развитие обособления лежит как в основе формирования товарного производства и рыночной экономики, так и сетевых структур. Так же как моменты совместности и разделенности в разном соотношении существуют на всех этапах развития человеческого общества, так и иерархия и сеть, оставаясь общими моментами всякой общественной структуры, на разных ступенях исторического развития соотносятся по-разному.

Из первоначального синкретичного единства сети и иерархии вырастает их взаимодействие на основе разделенности, но господ-

ствующее положение сначала закрепляется за иерархией. Граждане Рима, например, как свободные и равноправные находятся в сетевой связи, однако основой их существования был рабский труд, базирующийся на иерархии господина и раба. Правда, эта иерархия такова, что она низводит раба до уровня говорящего орудия и таким образом исключает его из гражданского общества. Поэтому формально это не является социальной иерархией, как не является ею отношение гражданина и орудия (быка, сохи и пр.), но в общеисторическом смысле это, безусловно, иерархия.

Классически иерархическим является феодальное общество. Сетевые структуры здесь несут спорадический и подчиненный иерархии характер. Их дальнейшее развитие и превращение в господствующую структуру связано с формированием рыночной экономики. Здесь агенты снова становятся формально равноправными, свободно осуществляющими на рынке свой выбор. Правда, потом оказывается, что продавшие рабочую силу попадают в иерархическую зависимость от работодателя, но это уже внутренний момент сетевого отношения.

Современное общество, которое развивается в направлении постиндустриального, пострыночного и постэкономического общества [3] все больше приобретает сетевой характер. Постоянно увеличивается количество макро- и микроэкономических структур, которые функционируют на сетевых принципах.

Продолжая анализ исторического соотношения иерархии и сети, можно выделить три типа человека, соответствующие трем наиболее крупным ступеням институционального развития общества. Человек при этом рассматривается как субъект, характеризующийся определенным единством образа мысли и поведения.

Первый тип представлен традиционным человеком, для которого характерно синкретичное единство мышления и поведения. Собственно мышления как чего-то самостоятельного, отличного от осознания практического взаимодействия с другими людьми, не существует. Есть лишь осознаваемые в процессе совместно-разделенной практической деятельности и дифференцируемые сознанием моменты самой деятельности.

Вторым типом является иерархический человек, который не является целостным, а распадается на два связанных иерархической связью субъекта с различающимися структура-

ми мышления и поведения. Один субъект представлен господствующим актором с соответствующим пониманием иерархии и типом поведения господина. Другой – зависимый актор с иным пониманием существующих отношений и типом подчиненного поведения. Если сознание первого актора согласуется с существующей реальностью, то сознание второго находится в оппортунистическом отношении с господствующими правилами и нормами. Поэтому для нормального функционирования общества в этих условиях необходимым является институт принуждения. Но общим для двух основных акторов является иерархичность сознания и поведения. Именно для иерархического сознания характерен феномен целостности личности (разумеется, в рамках своей иерархической позиции), последовательность поступков, принципиальность, героизм и пр. Ярким примером здесь может служить советская иерархическая система, поскольку здесь иерархия носит всецело социальный характер и лишена кровнородственных или иных естественных оснований. Провозгласив социальное равенство как формальную норму в отношении индивидов друг к другу, государство стало основным субъектом, который под предлогом реализации общего интереса субординировал все экономические, социальные и духовные отношения, придав им атрибут государственности. Иерархический человек подчинен общему родовому началу, которое для него является источником его социальной жизни, статуса и которое предпочитается всем иным ценностям. Отсюда благодарение за все господствующей партии и правительству, готовность к самопожертвованию ради государственных интересов и т.д.

Наконец, третий тип – это сетевой человек. Он включен в равноправные отношения с другими субъектами в соответствии со своими потребностями и желаниями, которые и формируются в таких сетевых отношениях. Его мышление и поведение снова, как и в традиционном человеке, совпадают по своей структуре, но имеют уже развитую самостоятельную форму существования. Но этот человек включен не в одну, а во многие сети, являющиеся самостоятельными независимыми образованиями, формирующими свойственное им мышление и поведение агентов. Таким образом, человек, функционируя в разных сетях, по-разному мыслит и ведет себя. При этом разные формы поведения и мышления не вступают во взаи-

моотношения друг с другом, в результате чего бы выяснилась непоследовательность и нелогичность действий человека. Это самостоятельные миры. Но в результате личность человека распадается на разные функциональные части, которые соединены лишь внешним образом в теле человека. Но по существу в этом теле живет несколько человек (форм единства мышления и поведения) с разными интересами, желаниями, чувствами, поступками и пр. Именно с этим связаны все чаще встречающиеся случаи девиантного поведения людей. Один и тот же человек оказывается в одной ситуации добрым и отзывчивым, в другой - предельно жестоким, в третьей – его поведение становится преступным, подвергая в изумление знающих его в одной сетевой структуре людей. При этом сам человек не чувствует никакого дискомфорта, связанного с его «нелогичным» поведением. Это другая – сетевая логика. В ней переход от сети к сети происходит скачком, не имея никаких промежуточных состояний и внешних связей.

К этому прибавляются провалы в воспитании человека, обусловленные динамизмом социальных отношений и разрушением традиционных форм, которым раньше не придавали особого значения в силу их обычности, но которые выполняли важную функцию институциональной социализации личности, усвоению ею иерархии человеческих ценностей.

Распространение сетевых структур и вхождение их в основание общества придает развитию бифуркационный характер, создает риски возрастания хаотичности связей и конфликтности. Учитывая глобальный характер формирования разнообразных сетей, эти риски приобретают всеобщее значение. Но особенно они велики для национальных государств со слабыми институциональными структурами.

Выходом из этой ситуации является соединение иерархии и сетей в новые образования, которые можно охарактеризовать как иерархические сети и сетевую иерархию. При этом иерархия должна представлять институционально снятую и постоянно снимающуюся в процессе индивидуального воспитания (как процесса усвоения мирового опыта человеческого общежития, системы ценностей и норм поведения) структуру, которая выступает основанием для выбора сетей и снятой внутренней границей сетевого поведения.

Такой подход предполагает не только всестороннее изучение сетевых структур и ие-

рархии в их специфичности, но и культивирование их соединения в формах, присущих современному этапу институционального развития человеческого общества. Методологическим основанием для этого может служить концепция институциональной архитектоники, призванной найти наиболее адекватную сущности современного общества институциональную структуру.

Литература.

1. Гриценко А.А. Институциональная архитектура: объект, теория и методология // В кн.: Постсоветский институционализм: Монография / Под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Деметьева. – Донецк: Каштан, 2005. – 480 с.
2. Гриценко А.А. Развитие форм обмена, стоимости и денег. – К.: «Основа», 2005. – 192 с.
3. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. – М.: «Academia» - «Наука», 1999. – 724 с.
4. Институциональная экономика: новая институциональная теория / Под общей ред. д.э.н., проф. А.А.Аузана. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 416 с.
5. Кастельс М. Информационная эпоха. - М.: ГУ-ВЭШ, 2000.
6. Кузьминов Я.И., Бендукидзе К.А., Юдкевич М.М. Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты. –М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006.– 442с.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1977.
8. Тарасевич В.Н. Институциональная эволюция: от инстинктов к протоинститутам // Экономические науки. – 2005. – № 1, с. 51-66.
9. Тарасевич В.Н. Институциональная эволюция: от протоинститутов к институтам // Экономические науки. – 2005. – № 2, с. 64-79.
10. Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 474 с.
11. Kelly K. Out of Control: The Rise of Neobiological Civilization. – Menlo Park, CA: Addison – Wesley, 1995. – P. 25-27.
12. The American Heritage Dictionary of the English Language. 4th ed. Boston: Houghton Mifflin Company, 2000. – P. 1214.

Статья поступила в редакцию 09.01.2007